

**Корейское письмо в ряду алфавитных систем письма:
к проблеме общего и особенного**

**Опубликовано в кн: Вестник Центра корейского языка и культуры.
Вып.5-6. СПб., 2003. С.30-45.**

Корейское национальное письмо, созданное королем Сечжоном в 1444 году, существует уже более пяти с половиной веков. Трудно переоценить значимость появления корейского письма для развития корейской культуры и для того особого направления традиционного языкознания Дальнего Востока, сущность которого состоит не столько в системном описании, сколько в осмыслении языковых явлений и интеграции фактов языка в различные области культуры. В XX веке корейское письмо приобретает статус своеобразного символа корейской национальной культуры - подобно тому как в свое время арабское письмо стало символом культуры исламского мира, как латинское письмо с традиционным составом букв формирует европейский культурный круг, и подобно тому, как кириллица уже давно выступает как своего рода маркер славянского культурного круга, соединяющего южных и восточных славян и культурного круга народов России. Однако уникальность историко-культурной значимости корейского письма в сравнении с другими системами письма, состоит не только в том, что корейский алфавит, в отличие от латинского, арабского или кириллического, не распространился на другие народы Дальнего Востока - в конце концов не каждый национальный алфавит в своем историческом развитии превращается в систему письма, на основе которой в дальнейшем формируются алфавиты других языков: этого не произошло с греческим, армянским, грузинским письмом, которые, как и корейское письмо, образуют этнически замкнутый, или моноэтнический культурный круг. Исключительность корейского письма в ряду письменностей языков Дальнего Востока заключается в том, что корейское письмо - это единственное собственно алфавитное письмо, которое было создано именно в этом регионе, а не привнесено в него извне, как, например, монгольское письмо в его исторической перспективе, как латинский алфавит Вьетнама или кириллица Монгольской Народной Республики в XX веке. Причем нельзя пройти мимо того факта, что корейское национальное письмо, когда оно приобретает функции маркера корейской культуры, начинает выступать в роли эксклюзивного признака данного культурного круга, причем наряду с некоторыми другими чертами культуры письмо оказывается таким признаком культуры корейцев, который как бы находится вне времени и вне государственной идеологии - опять-таки стоит указать, что обычно идеологические расхождения внутри общества напрямую связываются с проявлениями симпатий или антипатий к той или иной форме письма, и хотя бы одна из противостоящих сторон видит прогресс в реформировании национального письма: это будет справедливо по отношению ко многим языковым ситуациям, но не по отношению к корейскому письму. Особая, неповторимая история корейского письма и специфические условия появления корейского алфавитного письма в тех условиях, когда в средневековых письменностях Дальнего Востока отсутствовала самая идея фонемного письма, побуждает внимательно рассмотреть общие типологические характеристики корейского письма и выявить такие его черты, которые в алфавитных письменностях встречаются весьма редко или даже неизвестны вовсе.

Здесь придется начать с того, что, как бы это ни выглядело парадоксальным, но в общей теории письма имеется немало "белых пятен" как раз там, где их было бы труднее всего

ожидать - в области фонемного, или алфавитного письма. Отчасти это понятно: древние логографические, смешанные или слоговые системы письма, во-первых, уже давно служили объектом исследования для лингвистов, занимающихся историей, а позднее теорией письма, во-вторых, такие системы письма далеко не так многочисленны, как алфавитные системы письма, и соответственно они более доступны для исследования в полном объеме и во всем спектре разнообразия.

Что же касается алфавитного письма как особого типа письма, то здесь проблемы начинаются со строгого определения того, что же такое алфавитное письмо. И уже это определение не так-то просто сформулировать. Расхожее представление о том, что алфавитное письмо есть фонемное письмо немедленно заставит изъять из языков с алфавитным письмом русский язык, в котором не менее пяти букв обозначают по две фонемы (Я, Е, Ё, Ю, Щ), и две буквы (Ъ и Ъ) не обозначают фонем вовсе - следовательно, в определение алфавитного письма необходимо закладывать какие-то другие признаки соотношения языковых единиц с единицами оптического коммуникационного канала.

Основное универсальное свойство алфавитных систем письма, реально и надежно отличающее его от других систем письма - это то, что единицы алфавитных систем письма лишены способности изображать двусторонние единицы языка, то есть морфемы и слова. Графемы алфавитного письма в любой системе изображают либо слоги, либо фонемы. Исключительно слоговые алфавиты, или собственно слоговые алфавиты (силлабарии), в которых каждая графема изображает слог, сравнительно немногочисленны - это индийский алфавит деванагари и японские слоговые азбуки хирагана и катакана. Все остальные системы письма, относящиеся к алфавитным, характеризуются тем, что в них графические единицы могут изображать одну или несколько фонем (слог или сочетание согласных), не изображать никакой фонемы или изображать фонемы только в комбинации с другими знаками (ср. английские sh, ch, немецкие sch, tsch). При этом алфавитный статус сложных графем является произвольным: английские диграффы ch и ll в английский алфавит не входят, но в испанском языке соответствующие написания имеют буквенный статус.

Корейское письмо очень мало привлекало к себе внимание специалистов по теории письма. Отчасти это понятно: применительно к проблемам, рассматриваемым выше, графика корейского языка, в которой мы имеем дело с практически эталонной системой однозначных соотношений фонем и букв, не должна была представлять особого интереса для теории письма, в которой значительное место занимают именно неоднозначные фонемно-буквенные отношения. Написанная на интересующую нас тему недавно появившаяся статья Л.Р.Концевича (Концевич 1998), далеко не исчерпала всей проблематики характеристики корейского алфавита, графики и орфографии в плане общей теории письма.

Корейское письмо представляет интересный объект для теории письма не только своей некоторой экзотичностью, в силу которой алфавит корейского языка выглядит для европейского глаза как иероглифоподобные знаки, с трудом идентифицируемые как буквы фонемной системы письма. Оно обладает некоторыми редкими или даже эксклюзивными для алфавитного письма свойствами, которые позволяют более объемно представить себе диапазон варьирования единиц алфавитного письма и сумму его параметров в каждом конкретном случае применительно к той или иной системе письма - латинице, кириллице, греческому письму, армянскому или грузинскому письму и другим "одноязычным" системам письма.

Формальный анализ систем письма, в частности, анализ структуры графических знаков, как опять же это ни странно, стал объектом внимания специалистов по теории письма лишь относительно недавно. Латинский алфавит в этом плане проанализирован в книге Ж.Ани (Ани 1988). Корейский алфавит в аспекте своей внутренней структуры, а именно состав

отдельных букв, которые состоят из более простых графических элементов (очевидно, их все же не следовало называть графемами, поскольку в теории письма этот термин имеет совсем другое значение) проанализирован Л.Р.Концевичем (Концевич 1998, 372-374). Однако формальная структура графических знаков сама по себе, видимо, не является чем-то значимым для лингвистической теории письма, а сравнение разных систем письма даже внутри алфавитного письма не может быть в достаточной мере формализовано.

Первая, хорошо знакомая корееведом, но совершенно не учтенная в теории особенность корейского письма - это его нелинейность. Любое алфавитное письмо линейно: в нем знаки располагаются друг за другом, а направление письма зависит от традиции: слева направо (большинство языков Европы), справа налево (языки, пользующиеся арабской графикой, древнееврейский язык и современный иврит), сверху вниз (старописьменный монгольский язык, китайский язык в некоторые периоды его истории). В корейском письме минимальной единицей, соотносительной со звуковой единицей, является буква, но минимальной линейной единицей в нем выступает не графический знак (фигура) или буква, а слог, в котором знаки могут располагаться разными способами: смежные буквенные знаки или находятся один под другим, или следуют друг за другом, или имеют смешанное расположение. Таких правил расположения знаков не знает ни один алфавит мира.

Вторая особенность корейского письма - это наличие позиционных вариантов графических знаков. Собственно говоря, позиционные варианты графических знаков, традиционно трактуемые как аллографы-варианты одной графемы, не столь часто упоминаются в трудах по теории письма, так как для европейских языков они весьма экзотичны: редким и потому хорошо известным примером тут является греческая "сигма" в двух позиционных вариантах - неконечном и конечном. Противопоставление начальных, срединных и конечных графических вариантов букв типично для арабской графики, а также для старописьменной монгольской графики и происходящей от нее ойратской (калмыцкой) графики. Однако в названных системах письма срединные и конечные начертания букв графически существенно отличаются от "алфавитных" начальных начертаний тех же букв. В корейском письме позиционные начальнослоговые или конечнослоговые варианты букв отличаются от "алфавитных", то есть позиционно независимых или наименее зависимых начертаний букв исключительно своим меньшим размером.

При этом третья важная особенность корейского письма, составляющая довольно-таки редкую черту для алфавитных систем письма - это отсутствие противопоставления прописных и строчных букв. Само по себе противопоставление прописных и строчных букв не связано с графикой, понимаемой как система фонемно-графемных соответствий, оно является скорее графико-семиотическим и выражает разного рода категоризацию языкового материала: в большинстве языков прописные буквы являются признаком собственных имен, в немецком языке - они служат признаком имен существительных. Отсутствие противопоставления прописных и строчных букв для алфавитного письма является большой редкостью: например, такого противопоставления нет в грузинской графике. В корейском письме существует противопоставление алфавитных знаков по размеру, но оно реализуется исключительно в виде позиционных вариантов знаков в графическом слоговом и не имеет ничего общего с оппозицией прописных и строчных букв.

Четвертая особенность корейского письма, достойная внимания в общей теории письма - это соотношение букв или графем и графических знаков (графических фигур). Само по себе понятие графического знака или графической фигуры в трудах по общей теории письма до сих пор отсутствовало и оно может показаться избыточным, поскольку (по крайней мере в том варианте теории письма, который характерен для петербургской лингвистической школы И.А.Бодуэна де Куртенэ, Л.В.Щербы и Л.Р.Зиндера) оптическим аналогом фонемы является

графема, а единицей алфавита - буква. Однако понятия графемы и буквы покрывают далеко не все многообразие начертаний, которые изображают фонемы и обладают потенциальной возможностью иметь статус букв. Несколько примеров: уже упоминавшаяся испанская буква *ll* состоит из двух одинаковых графических знаков, при этом одиночный знак *l* также имеет статус буквы. В некоторых языках народов Севера до 50-х годов XX века в алфавит входила диграмма *ng*, обозначающая заднеязычный носовой сонант. В 50-е годы в некоторых языках вместо этой диграммы стало использоваться написание *n'*, а в конце 50-х годов вместо вышеприведенных написаний в алфавиты этих языков была введена особая литера - "н с хвостом". В чукотском и корякском алфавитах начертания увулярных согласных *k'* - "к с апострофом" были заменены буквой "к с хвостом". Уместен вопрос: что было объектом реформ письма в этом случае? Графика как система фонемно-графемных отношений этими изменениями не затрагивалась, алфавитный порядок и количество букв также не претерпевали изменений. Единственной возможностью описать такие явления будет введение понятия графического знака, или графической фигуры - той элементарной изобразительной единицы, которая манифестирует графему или часть сложной графемы и является изобразительным аналогом буквы.¹ Среди реформ письма известны случаи, когда две системы графических знаков для одного языка существовали одновременно - например, гражданский шрифт и готический шрифт в немецком письме, системы графических знаков постепенно сменяли одна другую или распределялись по разным сферам употребления - как это имело место при реформе русской азбуки 1700 года, когда церковнославянская кириллица была заменена гражданским шрифтом.

Корейские графемы, или буквы - поскольку каждая корейская графема (одна графическая фигура или совокупность графических фигур, изображающих одну фонему) имеет буквенный статус, могут состоять из одной или нескольких графических фигур. Так, "слабые" согласные изображаются одним графическим знаком, "сильные" согласные изображаются двумя одинаковыми графическими знаками. Придыхательные согласные изображаются на письме посредством знаков для соответствующих "сильных" согласных и специального графического компонента, который в свою очередь как бы имеет подсистему изофункциональных аллографов, использующихся в сочетании с определенными знаками для согласных. То, что перед нами именно самостоятельный компонент, осложняющий более простые по начертанию знаки, достаточно очевидно, как очевиден и фонетический или фонологический смысл этого компонента - неясно то, почему все-таки аспирированный характер согласных не получил единообразного способа выражения. При зрительном восприятии корейских графем для придыхательных согласных создается иллюзия того, что графический знак-компонент, отличающий графемы "слабых" согласных от графем аспирированных изображает дифференциальный признак придыхательности (подобно той иллюзии, согласно которой русский "мягкий знак" изображает не письме дифференциальный признак палатальности согласных). Здесь, правда, между русской и корейской графикой имеется одно важное различие: русский "мягкий знак" полифункционален и он используется также и как разделительный, указывающий на йотированное чтение следующего гласного

¹В наши дни в этом материале обозначается другая проблема: в сводке знаков алфавитов языков народов России, пользующихся кириллицей, имеется по два варианта начертаний букв "к с хвостом" и "н с хвостом", отличающихся размерами осложняющего элемента. В связи с активным использованием компьютерных шрифтов и разработкой национальных фонтов явственно обозначается вопрос о возможности или невозможности использования того или иного знака для включения его в шрифты какого-либо конкретного языка. На практике же оказывается, что данная проблема настолько сложна, что для ее решения в теории письма не выработан даже метаязык, на котором можно было бы определить описываемые явления.

(ср. разные функции мягкого знака в словах *конь* и *дьякон*), в то время как корейский показатель аспирированности не имеет других функций.

Сложный состав корейских графем как оптических аналогов фонем имеет совершенно неожиданное разрешение в виде двух вариантов корейского алфавита, различающихся по составу букв. В КНДР согласно своду правил 1966 года, корейский алфавит состоит из 40 букв, при этом все сложные согласные и дифтонгоидные гласные имеют статус отдельных букв: таким образом северокорейский алфавит включает 19 согласных букв и 21 гласную букву. В Республике Корея, согласно правилам орфографии корейского языка, принятым в 1988 году, корейский алфавит состоит из 24 букв, из которых 13 обозначают согласные (при этом удвоенные знаки, обозначающие сильные согласные, не считаются отдельными буквами), и 11 - гласные (Концевич 1998, 384-385). Тем не менее в южнокорейских словарях принят такой состав графических единиц корейского письма, который соответствует по составу знаков официально принятому и узаконенному северокорейскому алфавиту. С точки зрения типологии алфавитов в этом плане северокорейская редакция алфавита корейского языка сопоставима с алфавитами младописьменных языков, в которых все осложненные графические знаки почти без исключений имеют в алфавите свое место и приобретают статус самостоятельных букв, в то время как в языках со старой письменной традицией (таких, как английский, немецкий, французский) осложненные знаки и знаки с диакритикой не считаются особыми буквами.

Для корейского письма выглядит весьма актуальным вопрос о том, какая графическая единица может считаться графемой - знак алфавита или слог. Формальная классификация графических слогов корейского языка, разработанная Л.Р.Концевичем (Концевич 1998, 375-376) включает 4 типа слогов, "слоги вертикальной оси" со структурой C\V, C\V\C(C), "слоги горизонтальной оси" с фонемной и буквенной структурой C/V, C/V/C(C), и слоги смешанного типа со структурой C\W/V, C\W/V/C. Отличительной особенностью корейского письма в этом плане оказывается единообразность графической комбинации знаков для гласных и для согласных, которая не знает альтернатив: один и тот же слог корейского языка всегда будет иметь одинаковое начертание, и это дает некоторые основания считать для корейского языка графемой именно комбинацию букв в пределах слога. Однако то, что в корейском языке при фонемном принципе графики доминирующим принципом орфографии оказывается морфологический принцип, препятствует такому решению: корейский графический слог изображает скорее двустороннюю единицу языка - морфему, а не слог как сложную одностороннюю единицу звукового строя языка.

Хотя принято считать, что корейский алфавит однозначно соответствует фонологической системе корейского языка, для отдельных корейских букв усматривается полифония. Если звук г является в корейском языке аллофоном согласного к, однако та же буква К может обозначать также звук НЬ, буква Н обозначает звуки Л и ЛЬ, буква Т - звуки Т и Р, буква Л/Р - изображает также звук Н, буква П иногда читается как М, буква С - как Т, буква Ч - как Д, буква ЧХ - как Т, знаки для аспирированных согласных в ряде позиций изображают простые согласные (Холодович 1951, XIV-XIX). В целом же получается, что единообразное чтение имеют только знаки для гласных, знаки для сильных согласных и знак для М. Следовательно, эталонный характер корейского письма как однозначно передающего фонемы, может быть взят под сомнение.

Такая особенность корейского письма, как полифония его знаков, в принципе может сделать корейский язык интересным объектом для дискуссий в области фонологии. Полифония знаков корейского алфавита в их комбинациях в составе слов при том, что каждый графический слог корейского языка изображает морфему, поразительно соответствует ситуации с русским письмом, где единообразное написание морфемы и

неотражение на письме позиционных фонемных чередований, привело к особому пониманию фонемы, принятому в так называемой Московской фонологической школе. Согласно этой школе, звук т в слове [рот] является вариантом <т> в слове *rot*, но он будет вариантом фонемы фонемы <д> в слове *rod*. Такое понимание фонемы как постоянного элемента морфемы, который входит в разные ряды чередований, в принципе было бы приемлемо для корейского языка, тем более, что оно прекрасно иллюстрируется зрительно в корейской графике - однако кругозор сторонников Московской фонологической школы, кажется, не включил в себя корейский язык, и, в свою очередь, фонологическая система корейского языка освещалась как европейскими, так и корейскими лингвистами без таких экзотических теорий фонемы, какая характерна для Московской фонологической школы.

А.А.Холодович писал о корейской орфографии: "В теоретической литературе последние 50 лет боролись два прямо противоположных направления: фонетическое и морфологическое. Фонетическое направление понимало слог как фонетическую единицу. ... Морфологическое направление понимало слог как морфологическую единицу. ... Следующие одна за другой реформы корейского письма принесли победу морфологическому направлению. Однако в жизни дело обстояло куда сложнее, чем в теории. На практике, если взять литературу изданную за последние 30-40 лет (в 1951 году - А.Б.), применялись оба способа изображения слога, часто осложненные эклектическими написаниями, произвольно совмещающими как морфологический, так и фонетический принцип. (Холодович 1951, V). Правда, в таблице разных орфографических вариантов из 19 примеров разных написаний словарных форм глагола в системах корейской морфологической орфографии лишь в трех случаях между системами 1933 и 1949 годов отмечаются различия, и в 6 случаях приводятся дополнительные орфографические варианты написаний, в то время как фонетическое написание тех же глаголов ни в одном из 19 примеров не совпадает с написанием по нормам морфологической орфографии.

Приведем несколько примеров того, как корейская графика в системе своих возможностей для изображения последовательностей фонем соотносится с орфографией как системой правил написания морфем и слов. Корейское слово *кат* 'шляпа, шапка' в графике выглядит как [кас]: в конечной позиции буква С имеет звуковое значение Т. Это написание [кас] сохраняется во всех сочетаниях данной морфемы с другими морфемами: ср. *каккын* 'тесма у шляпы', *катторэ* 'ободок шляпы', *каммочжа* 'тулья шляпы', *каппань* 'мастерская шляп', *каччин* 'коробка для шляпы' - таким образом асимилиция конечного согласного морфемы с начальными согласными других морфем на письме не отражается, причем не все возможные на морфемных стыках асимилиции, которые существенно расширяют стсиему значений корейских букв, зафиксированы в сводной таблице значений корейских букв. Корневая морфема *так* [в графике *талк*] 'курица' в изолированном положении содержит "нечитаемый" согласный л/р, который озвучивается в составе производных: ср. *талгыаль* [в графике *талк-ы-аль*] 'куриное яйцо'. Слово т)м-и 'куча, грудка' пишется в виде комплекса знаков т)м-и, но не то-ми, как могло бы быть при написании, не ориентированном на изображение конкретной морфемы. Еще один пример: *нокта* [в графике *нок-та*] 'таять, плавиться', но *ногида* 'плавить, растапливать' [в графике *нок-и-да*, но не *но-ги-да*]. При фонемной орфографии было бы безразлично, каким способом изображать на письме каузативную форму глагола - *нок-и-да* или *но-ги-да*, однако морфологическая орфография диктует определенное решение, менее соответствующее соотносительности фонетического и графического членения текста, но обеспечивающее единство написания корневой морфемы во всех производных. Другие примеры: *наль-да* 'летать', но *нара-када* 'улетать' [в графике *нал/р-а-ка-да*, а не *на-ра-ка-да*], *нара-танида* 'летать' [в графике *нал/р-а-танида*].

Морфологический принцип орфографии корейского языка обуславливает еще одно необычное и чрезвычайно редкое вообще явление в собственно графике корейского языка - это инверсионное соотношение смежных фонем и смежных знаков, когда линейная последовательность знаков является как бы обратной по отношению к последовательности фонем в слове. Л.Р.Зиндер подробно рассмотрел все возможные типы линейных соотношений между последовательностями звуков и последовательностями графических знаков. Он описывает 4 разновидности значений или сумм значений букв: 4 типа значений букв: одна буква = два значения (омография для пишущего и полифония для читающего), две буквы - одинаковые значения (гетерография для пишущего и омофония для читающего), сочетание букв - одна фонема (для пишущего - полиграфия, для читающего - монофония), одна буква - сочетание фонем (см. Зиндер 1987: с.77-78) - последний случай можно охарактеризовать как униграфию для пишущего и мультифонию или дифонию для читающего. При этом все возможные случаи обозначения более чем двух фонем (то есть трифония, тетрафония и т.д.) одной буквой пока в современных письменностях неизвестны. Однако случаи инверсии чтений букв, по сути дела также приводящие к увеличению числа звуковых значений букв, в теории письма до настоящего времени известны не были. Например, глагол *ттатха* 'заплетать волосы, вить веревку' в графике выглядит как ттах-та, глагол *натха* 'рожать, родиться' пишется как нах-та. Для европейских языков такое явление не характерно: единственный пример, проявляющий сходство с подобными случаями в корейском языке - это способы обозначения гортанного смычного согласного в чукотском языке. В позиции начала слова гортанный смычный обозначается знаком ' (апостроф), который располагается после гласного, например, *и'ны* (читается как [?'ины]) 'волк', *а'тав* (читается как [?'атау]) 'до свидания' и т.п. Правда, если в чукотском языке такое обозначение гортанного смычного имеет место исключительно внутри морфемы, то в корейском языке инверсия согласных хт>тх между написанием и произношением имеет место только на стыке морфем. Однако крайне любопытно, что знак для гортанного смычного - апостроф в чукотской графике так и не обрел своего места. В принципе его можно было бы считать отдельной консонантной графемой и соответственно буквой, но в официальном чукотском алфавите такой знак отсутствует - во всяком случае его нет в этом качестве в единственном "Чукотско-русском словаре". Не исключалась в принципе возможность трактовки написаний а', э', о', у', ы', и' как целого ряда "ларингализованных" (по аналогии с "йотированными") гласных букв чукотского алфавита. На практике же получается, что чукотский апостроф имеет примерно тот же статус, что и графический элемент корейских букв, который присутствует в знаках для придыхательных согласных: он существует как средство осложнения известных алфавитных знаков, ему можно приписать фонетическое значение, но он при этом не является самостоятельной графемой и не входит в алфавит на правах отдельной буквы.

Как отметил Л.Р.Концевич, корейское письмо представляет собой тип письма, переходный от слогового к линейно-буквенному (Концевич 1998, 377). В принципе это верно, особенно если трактовать в качестве графемы корейского письма не букву алфавита, а слог, к чему, собственно говоря, и склоняется Л.Р.Концевич. К этому стоит добавить, что корейское письмо с его морфологической орфографией при этом сохраняет или целенаправленно консервирует элементы морфемного письма, что поддерживается наличием в корейском языке большого числа лексики китайского происхождения, при записи которой один корейский графический слог соотносится с одним китайским иероглифом (в китайской иероглифике, в том числе и для всех ее вариантах, распространенных в Корее, Японии и Вьетнаме, для односложных слов иероглиф является логограммой, для многосложных - морфемогаммой). Впрочем, что касается историко-типологической характеристики

корейского письма по Л.Р.Концевичу, то она не выглядит оригинальной. Строго говоря, тип письма - это характеристика письма с точки зрения языковых единиц, которые обозначает один знак системы письма. В рисуночном, или пиктографическом письме один сложный знак обозначает целое высказывание, состоящее из одно или нескольких предложений. В логографическом, или иероглифическом письме один знак изображает слово или морфему. В слоговом письме один графический знак обозначает слог как сложную фонетическую единицу: частным случаем является такая ситуация, когда слог состоит из одной фонемы. В фонемном (фонематическом, фонетическом) или алфавитном письме один графический знак обычно обозначает одну фонему.

Все названные выше типы письма в конкретных языках в чистом виде встречаются довольно редко. Чаще всего тип письма лишь налагает определенные ограничения на соотношение единиц устной и письменной формы языка. Это надо понимать следующим образом. В иероглифическом письме элементарными минимальными единицами письма являются такие языковые единицы, которые имеют план выражения и план содержания - слова или морфемы, чаще всего соотносительные в плане выражения с фонетическим словом или слогом, но не с отдельной фонемой (хотя и это не исключается). В слоговом письме элементарные минимальные единицы письма изображают слоги вне зависимости от того, соотносится ли данный слог с какой-либо двусторонней единицей языка или представляет собой лишь последовательность фонем, но отдельные единицы слогового письма не обладают способностью выражать двусложные или многосложные последовательности. В алфавитном письме минимальные графические единицы обозначают отдельные фонемы, но иногда один графический знак изображает не одну, а две фонемы (в частных случаях типа русского *я* эта последовательность равняется слогу), или не имеет собственно фонемного значения (например, русские *ъ* и *ь*). Однако ни одно алфавитное письмо не располагает специальными единицами, предназначением которых было бы обозначение слогов, морфем или слов.

Говоря об общей характеристике алфавитного письма, можно согласиться с замечанием И.Гельба, согласно которому в алфавитном письме знак письма обозначает одну или более одной фонемы (Гельб 1982, 235), хотя в корейском письме каждая буква соотносится линейно только с одной фонемой - с этой точки зрения оно является эталонно алфавитным. Однако корейская графика и орфография обладают многими весьма редкими, подчас уникальными особенностями, которые почти неизвестны или вовсе не учтены в современной теории письма. В этом плане корейская графика письма представляет очень большой интерес для разработки формального аппарата теории письма и служит прекрасным иллюстративным материалом для тех свойств, которые присущи алфавитным письменностям.

Говоря о корейском письме, нельзя обойти вниманием и вопрос о его происхождении. Каким образом в Корее в XV веке стало возможным разработать алфавитное письмо, если для этого не имелось аналогий в письменностях соседних народов? Тот уровень осмысления самостоятельности звуковой стороны языка и передачи звукового состава слов, который был накоплен языкознанием Дальнего Востока в средние века, думается, не позволял этого сделать. Единственными формами алфавитного письма, которыми мог руководствоваться создатель корейского письма в качестве образцов, были монгольское алфавитное вертикальное письмо, возникшее в первой трети XIII века, и монгольское квадратное письмо, появившееся примерно в то же время, но так и не получившее широкого распространения. Попробуем посмотреть, можно ли усмотреть в корейском письме какие-либо следы того, что при его создании мог использоваться монгольский алфавит.

Прежде всего здесь хотелось бы обратить внимание на то, что в тех корейских знаках для гласных, которые являются наиболее простыми по структуре, доминируют вертикальные

графические элементы - то есть те самые элементы, которые являются графемообразующими в монгольском вертикальном письме. Горизонтальные черты, составляющие корейские буквы О и У, на этом фоне вполне могут выводиться из аналогов горизонтальной составляющей монгольской графемы о/у. То, что корейские графемы, обозначающие те гласные, которые транскрибируются в русской графике йотированными буквами Я, Ё, Ю, отличаются от соответствующих им графем А, О, У одной дополнительной чертой, опять-таки сопоставимо с особенностями монгольского алфавита, где начальные знаки А и Э отличаются количеством зубцов (а срединные не различаются), и знаки О/У для заднерядных и переднерядных гласных отличаются отсутствием и наличием дополнительного графического элемента. Думается, стоит обратить внимание и на то, что при обучении маньчжурскому письму, которое, как известно, было создано в конце XVI века на основе монгольского вертикального письма, в качестве фундаментального понятия использовались графические слоги (см. Захаров 1879), а не отдельные изолированные алфавитные знаки. В монгольском вертикальном письме одна часть знаков для согласных располагается слева от графемообразующей вертикали, другая часть - справа от нее. Не в этом ли заключены истоки идеи композиционной группировки корейских знаков в графическом слоге? Возможно, и даже вероятно, что сравнительное изучение монгольской и корейской палеографии, которое позволило бы оперировать соизмеримым по времени графическим материалом, даст в наше распоряжение новый фактический материал, открывающий новые возможности для установления какого-то лингвистического прототипа корейского алфавитного письма.

Наконец, говоря об истории корейского письма, стоит сказать несколько слов о той гипотезе, согласно которой в основе корейского алфавита лежит изображение соответствующих артикуляций звуков. И здесь сразу же необходимо указать, что для того, чтобы данная теория хотя бы в какой-то степени соотносилась с реальностью, необходимо с обязательностью установить, что представления об артикуляции корейских звуков в XV веке соответствовали бы знаниям в области анатомии человека, конкретно - в области анатомии речевого аппарата, которые можно было бы почерпнуть из медицинских трактатов того же времени. Данное условие заведомо нереально. Более того, подобные идеи могли быть реализованы в качестве графемогенетической теории только в такое время и в таком лингвистическом окружении, когда артикуляторная фонетика уже стала самостоятельной научной дисциплиной - то есть опять же в XX веке. Однако можно назвать по крайней мере одно обстоятельство, дающее почву для иллюзий в этой области - то, что корейская графема М по своему начертанию сходна с китайским иероглифом, имеющим значение "рот". Мы не беремся обсуждать, является ли это сходство случайным или этот иероглиф был намеренно включен в состав корейских консонантных знаков, не будем рассматривать вопрос о том, данное начертание действительно изобразительным - в конце концов то же самое можно обсуждать применительно к латинскому и кириллическому знаку О, однако, как хорошо известно, характеристика алфавитных знаков в этом аспекте ничего не дает для понимания истоков конкретных алфавитов и непременно уводит по ложному следу. Тем не менее подобные аналогии вполне могли быть стартовой точкой для объяснения происхождения алфавитов, в особенности, если они столь так оригинальны, как корейский алфавит.

Корейское письмо, созданное в 1444 году и известное в Европе уже на протяжении нескольких столетий, думается, еще очень долгое время будет побуждать лингвистов снова и снова задумываться над инвариантными особенностями разных систем письма, их сходствами и различиями.

1. Ани Ж. 1988 - Ani J. L'écriture. Theories et descriptions. Bruxelles, 1988.
2. Гельб И. Опыт изучения письма. М., 1982.
3. Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
4. Захаров И.И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879.
5. Зиндер Л.Р. 1987 - Очерк общей теории письма. Л., 1987.
6. Концевич Л.Р. 1998 - Особенности корейского алфавита в плане общей теории письма //Корея. История. Экономика. Культура. Филология. К 80-летию М.Н.Пака. М., 1998. С. 368-388.
7. Павленко Н.А. 1987 - История письма. Минск, 1987.
8. Холодович А.А. 1951 - Корейско-русский словарь. М., 1951.